

Победитель
Los Angeles Times
Book Prize for
History 2018

ЗАПИСКИ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ЖИЗНЬ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ
ГЛАЗАМИ ОБЫЧНЫХ
ТУРИСТОВ

18+

Джулия Бойд

Путешественники во времени (Эксмо)

Джулия Бойд

**Записки из Третьего рейха.
Жизнь накануне войны
глазами обычных туристов**

«Эксмо»

2017

УДК 94(430)"1918/39"
ББК 63.3(4Гем)

Бойд Д.

Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов / Д. Бойд — «Эксмо», 2017 — (Путешественники во времени (Эксмо))

ISBN 978-5-04-098706-1

Что будет, если убрать рамки ретроспективного восприятия, научного дискурса и оказаться в то самое время в той самой стране? Время — начало XX века, место — Германия. Представьте, что вы здесь проездом и ничего не знаете о том, что скоро грянет война. Вы наблюдаете прекрасные пейзажи, трудолюбивых жителей и... флаги, множество флагов, людей в униформе, марширующие колонны. Кто вы — студент, закончивший колледж, или же ярый противник нацизма, который пытается открыть людям глаза? Сможете ли вы понять, что происходит на самом деле, не поддаваться пропаганде, предсказать Холокост? В книге «Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов» собраны истории студентов, политиков, музыкантов, дипломатов, простых людей и знаменитостей вроде Чарльза Линдберга и Сэмюэла Беккета. Случайные очевидцы истории и их тревожные, абсурдные, трогательные, трагические рассказы предоставляют нам возможность посмотреть на Германию времен Третьего Рейха с совершенно другой точки обзора. Если вам интересна история XX века, история Германии, история повседневности, эта книга станет отличным дополнением в вашу читательскую библиотеку.

УДК 94(430)"1918/39"
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-04-098706-1

© Бойд Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Вступление	7
1. Открытые раны	12
2. Обостряющаяся боль	21
3. Секс и солнце	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джулия Бойд
Записки из Третьего рейха. Жизнь
накануне войны глазами обычных туристов

Julia Boyd

Travelers in the Third Reich: The Rise of Fascism Through the Eyes of Everyday People

© Julia Boyd 2017

© Андреев А., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается Маккензи, Харрисону, Белле, Робби, Эди,
Себастиану, Мэтью, Зое, Джемиме, Клио и Киту*

Вступление

Представьте себе, что сейчас лето 1936 г. и вы проводите свой медовый месяц в Германии. Солнце светит, люди приветливы, и жизнь прекрасна. Вы проехали на машине через Рейнскую область, наслаждаясь видом старинных замков, виноградников, медленно плывущих по Рейну груженных барж, и вот оказались во Франкфурте. Вы только что припарковали свой автомобиль с наклейкой «GB» (Великобритания) и теперь собираетесь осмотреть город, одну из средневековых жемчужин Европы.

Неожиданно перед вами появляется женщина еврейской внешности. У нее обеспокоенный вид, она держит за руку прихрамывающую девочку-подростка. В лице этой отчаявшейся матери вы видите отражение всех ужасов, о которых слышали: преследование евреев, этаназия, пытки и тюремные заключения без суда и следствия. Еврейка заметила на вашей машине наклейку «Великобритания» и умоляет вас забрать ее дочь в Англию. Что вы будете делать? Отвернетесь и уйдете? Выразите ей сочувствие, но скажете, что никак не можете помочь? Или попытаетесь вывезти ребенка в безопасное место?

Это история из реальной жизни. Я услышала ее от Алисы – дочери той самой супружеской пары, которая все-таки решила вывезти еврейскую девочку в Великобританию. Одним жарким летним днем мы вместе с Алисой сидели в тихом кембриджском саду и потягивали лимонад. Она показала мне фотографию, на которой улыбающаяся Грета держала ее, маленькую Алису, на руках. Я попыталась поставить себя на место молодых супругов. Как бы я повела себя, оказавшись в такой ситуации? Вероятнее всего, несмотря на сочувствие попавшей в беду женщине и потрясение, я бы не стала рисковать и перевозить ребенка через границу. Впрочем, достаточно легко представлять свою реакцию, но кто знает, как бы мы действительно поступили? Как бы мы интерпретировали то, что происходило прямо у нас перед глазами?

Эта книга рассказывает о жизни в Германии в период между двумя войнами. Основанная на документальных свидетельствах иностранцев, она передает и эмоциональное, и физическое состояние путешественников, побывавших в Третьем рейхе. Десятки ранее не опубликованных дневников и писем помогают создать новое представление о нацистской Германии. Мы надеемся, что эта книга расширит представления читателей о тех временах или даже бросит им вызов. Люди, которые родились после Второй мировой войны, не могут дистанцироваться от того, что они знают о гитлеровской Германии. Жуткие картины тех лет невозможно выбросить из головы. Но каково было путешествовать по Германии, не зная, что вскоре грянет страшная война? Насколько просто тогда было понять, что на самом деле происходит, в чем суть национал-социализма? Было ли возможно не попасть под влияние нацистской пропаганды, а также предсказать будущий Холокост? Как повлиял на иностранцев опыт, полученный во время путешествий? Изменил ли он их представление о стране или укрепил устоявшееся мнение?

В книге рассматриваются эти и многие другие вопросы. В ней собраны очень разные истории. Своими впечатлениями делятся знаменитости (такие как Дэвид Ллойд Джордж, Чарльз Линдберг, махараджа индийского княжества Патиала, Фрэнсис Бэкон, король Болгарии, Сэмюэл Беккет, норвежский писатель – лауреат Нобелевской премии Гамсун), а также простые люди. Политики, дипломаты, школьники, коммунисты, поэты, журналисты, фашисты, художники, туристы (многие из которых неоднократно возвращались в Германию), китайские студенты, спортсмены-олимпийцы – все они высказывают свое мнение по поводу Третьего рейха. Впечатления и размышления этих людей, конечно, существенно различаются и зачастую противоречат друг другу. Но вместе они создают необыкновенно полную картину жизни в гитлеровской Германии.

Многие люди приезжали в страну по работе, другие просто наслаждались здесь хорошим отдыхом. Были и те, кто безгранично любил культуру Германии, имел немецкие корни или

отправлялся в Третий рейх из чистого любопытства. На фоне кризиса демократии и высокого уровня безработицы в других странах путешественники, придерживавшиеся правых взглядов, видели в гитлеровской Германии пример нового образа жизни: некоторые считали, что диктатура – это эффективный способ управления страной.

Вне зависимости от происхождения и политических взглядов все путешественники наслаждались природой Германии. Совсем не обязательно быть нацистом, чтобы восхищаться сельскими пейзажами, бескрайними виноградниками и садами. Великолепно сохранившиеся средневековые города, аккуратные деревеньки, чистые отели, приветливые люди, дешевая и вкусная еда, оперы Вагнера, пенное пиво в кружках – все это привлекало туристов. Иностранцы приезжали в Германию из года в год, несмотря на то, что в их собственных странах все чаще писали и говорили об ужасах нацизма. Безусловно, то время, в первую очередь, ассоциируется у нас со страшной человеческой трагедией. Однако дневники и письма, в которых путешественники восторгаются очарованием таких городов, как Гамбург, Дрезден, Франкфурт или Мюнхен, свидетельствуют о том, что Германия (да и весь мир в целом) очень многое потеряли из-за Гитлера.

Больше всего туристов приезжало в Третий рейх из Америки и Великобритании. Несмотря на недавнюю войну, многие англичане воспринимали немцев как родственную нацию и считали, что общаться с ними приятнее, чем с французами. Дочь посла США в Германии Марта Додд выразила в одной из своих книг общее мнение: «В отличие от французов немцы не были ворами, они не были эгоистичны, нетерпеливы, холодны или жестоки»¹.

В Великобритании усиливалось беспокойство по поводу Версальского договора: англичане полагали, что его условия слишком тяжелы для Германии, а потому настало время протянуть руку дружбы бывшему врагу. Кроме того, британцы считали, что они могут многому поучиться у немцев. Таким образом, несмотря на то, что все больше людей узнавало о зверствах нацистов, многие британцы продолжали приезжать в Германию по работе или для отдыха.

В 1936 г. американский журналист Уэстбрук Пеглер писал, что британцы имели «иллюзорное и оптимистичное представление» о нацистах. Они верили, что «в душе нацист все-таки остается человеком». Отсюда возникло их толерантное отношение к этим «извергам»: британцы надеялись, что «благосклонность поможет достучаться до человеческого естества нацистов, которые однажды, возможно, будут приручены»².

К 1937 г. число туристов из США приблизилось к полумиллиону в год³. Желая в полной мере насладиться отдыхом в Европе, подавляющее большинство американцев не хотели отвлекаться на политические проблемы и полностью их игнорировали. В Германии очень радушно относились к иностранным туристам, особенно к британцам и американцам, поэтому те не собирались совать нос в немецкие дела. Кроме того, была еще одна причина, по которой путешественники из США не хотели расспрашивать немцев, в частности, о положении евреев в стране. Любые негативные комментарии на этот счет привели бы к разговорам о жизни чернокожего населения в Штатах. Мало кто хотел распространяться на эту тему⁴.

Большинство иностранцев, посетивших Германию в довоенные годы, позже признавались, что тогда не знали истинных планов нацистов. И они не лгали, поскольку в таких тури-

---

¹ Martha Dodd, *Through Embassy Eyes* (London: Gollancz, 1939), p. 25.

² Pegler syndicated column, 'Fair Enough', 2 April 1936.

³ Quoted in Dirk Voss, 'Travel into the Heart of Evil: American Tourists in Nazi Germany, 1933–1939'; 'Ernst Schmitz Gives Talk on German Travel Facilities', *Daily Boston Globe*, 29 March 1938. For more detailed statistics regarding British and American travel to Germany, see Rudy Koshar, *German Travel Cultures* (Oxford and New York: Berg, 2000), p. 129.

⁴ Ко всему прочему, в некоторых штатах США действовали более радикальные, чем в Третьем рейхе, расистские законы о стерилизации наследственных больных.

стических зонах, как Бавария или долина Рейна, едва ли можно было увидеть очевидные доказательства преступлений нацистов.

Конечно, туристы на каждом шагу встречали флаги, униформы, марширующие колонны, постоянно слышали приветствие «Хайль Гитлер». Путешественники часто писали, что им омерзительно обилие антисемитской пропаганды. Но, несмотря на неприязнь, многие иностранцы считали, что не должны вмешиваться во внутренние дела страны. Кроме того, некоторые туристы сами придерживались антисемитских взглядов. Большинство игнорировало нападки газет на нацистскую Германию, поскольку все знали о склонности журналистов к преувеличению и любви к сенсациям. Многие также помнили, как в начале Первой мировой войны газеты сообщали о бесчинствах немцев, но эта информация оказалась ложной. Вот что писал ирландский поэт Луис Макнис:

Но это, думали мы тогда, нас совершенно не касается.
Единственное, что нужно путешественнику, – это статус-кво,
Чтобы все проходило гладко, без сучка без задоринки.
Мы просто считали, что в газетах преувеличивают,
Мы видели лишь политическую возню и пустые нападки⁵.

Таково было мнение многих туристов. Но что думали люди, которые приезжали в страну по работе или специально для того, чтобы понять и изучить новую Германию? Сразу после прихода нацистов к власти иностранцы даже и не знали, чему верить. Кто такой Гитлер – чудо или чудовище? Хотя некоторые путешественники старались ничего не принимать на веру, со временем все больше людей приезжали в Германию с уже сформированным мнением об этой стране.

Иностранцы отправлялись в нацистскую Германию (точно так же, как и в советскую Россию) для того, чтобы подтвердить свои ожидания. Удивительно, как мало туристов изменило свое мнение о Третьем рейхе после путешествия. Правые увидели трудолюбивых, уверенных в себе людей, которые страхнули с себя тяжелое и несправедливое бремя Версальского договора и стали защищать Европу от большевизма. Для них Гитлер был не только вдохновляющим лидером, но и скромным человеком, совершенно искренним и стремящимся к миру. Левые считали, что в Германии царит жестокий репрессивный режим, который держится на возмутительной расовой политике, пытках и преследованиях собственных граждан. Оба лагеря сходились во мнении, что обожаемый миллионами Гитлер полностью контролирует страну.

В отдельную группу туристов можно выделить студентов. Складывается ощущение, что даже неприятный режим не был помехой учебе в Германии, ведь погружение в немецкую культуру все еще считалось важной стадией взросления. Трудно, однако, найти объяснение тому, почему в нацистскую Германию вплоть до начала войны отправляли так много юношей и девушек из Великобритании и США.

Родители, которые презирали нацистов и высмеивали их примитивную «культуру», без особых угрызений совести отправляли своих детей в Третий рейх на длительное время. Молодые люди получали незабываемый опыт, правда, не совсем тот, на который рассчитывали их родители. Вернувшись на родину, студенты пытались предупредить своих родственников и друзей о надвигающейся опасности. Но из-за общественного равнодушия или сочувственного отношения к нацистским «достижениям» такие предупреждения часто игнорировались. Приятные воспоминания о пивных на открытом воздухе и баварских девушках в национальном наряде дирндль, а также глубоко укоренившийся страх перед новой войной не давали людям трезво оценить ситуацию и прислушаться к предостережениям.

---

⁵ Louis MacNeice, from *Autumn Journal*, IV (London: Faber & Faber, 1939).

Страх начала новой войны был, пожалуй, ключевым фактором, определявшим отношение бывших военнослужащих к Третьему рейху. Многие участники Первой мировой верили в то, что Гитлер стремится к миру, нацистская революция со временем успокоится, а политическая борьба вернется в цивилизованное русло. Бывшие военные часто посещали новую Германию, предлагая нацистам свою помощь. Люди, которые прошли Первую мировую войну, не хотели, чтобы их сыновья пережили тот же кошмар, поэтому поддерживали, как им тогда казалось, миролюбивую политику Третьего рейха. Вероятно, бывшим военным импонировало и то, что нацисты установили в стране полный контроль, эффективно манипулируя нацией и устраивая уличные марши.

Бесспорно, иностранцы не оставались равнодушными к впечатляющим факельным шествиям и языческим праздникам, которые стали визитной карточкой новой Германии. Мнения разделились – одни туристы чувствовали отторжение, а другие считали все это выражением вернувшейся к немцам уверенности. Многим казалось, что национал-социализм вытеснил христианство как национальную религию. Расовая теория об арийском превосходстве, подкрепленная идеологией крови и почвы, теперь стала для немцев Библией, а фюрер – спасителем. Большое количество иностранцев (даже тех, которые несколько не симпатизировали нацистам) испытали сильные эмоции, побывав на партийном съезде в Нюрнберге или увидев факельное шествие. Нацисты умели мастерски управлять эмоциями толпы, и путешественники с удивлением вынуждены были признать, что они тоже не защищены от такого воздействия.

Все иностранцы вне зависимости от цели их визита постоянно сталкивались с нацистской пропагандой. Им говорили о несправедливости Версальского договора, стремлении Гитлера к

миру, поразительных достижениях нацистской революции, необходимости расширения страны на восток, защиты границ Германии и возвращения колоний⁶.

Пожалуй, главный посыл заключался в том, что американцам и британцам нужно присоединиться к немцам в борьбе против «большевистской/еврейской» угрозы. Иностранцам постоянно напоминали о том, что Германия противостоит «красным ордам», которые готовы с огнем и мечом пронестись по Европе. Многие туристы настолько привыкли к пропаганде, что перестали обращать на нее внимание.

Пытливый путешественник с трудом понимал разницу между национал-социализмом и большевизмом. Иностранцы, конечно, знали, что нацисты и коммунисты были заклятыми врагами, но не видели никакой разницы в их целях и методах. Подавление Гитлером личной свободы граждан, контроль над каждым аспектом общенародной и личной жизни, пытки и показательные судебные процессы, существенное расширение полномочий секретной полиции и возмутительная пропаганда – по крайней мере на первый взгляд все это очень напоминало то, чем прославился Сталин. Нэнси Митфорд писала следующее: «Между коммунистами и нацистами нет никакой разницы. Коммунисты замучают до смерти, если ты не рабочий, а нацисты – за то, что ты не немец. Аристократы предпочитают нацистов, а евреи – большевиков»⁷.

Вплоть до 1937 г., когда голоса противников нацизма зазвучали все громче, журналисты и дипломаты героически пытались открыть людям глаза на то, что происходило в Германии. Представители этих профессий путешествовали по всей стране и писали о зверствах нацистов, стараясь привлечь внимание общественности. Но их отчеты серьезно редактировали или сокращали, журналистов и дипломатов также обвиняли в том, что они преувеличивают. Эти люди проработали в Германии несколько лет, несмотря на тяжелые условия. Журналисты постоянно опасались того, что в любую минуту их могут выслать из страны или арестовать по сфабрикованным обвинениям. Их заметки очень сильно отличаются от восторженных описаний туристов, которые ненадолго приезжали в нацистскую Германию и предпочитали верить, что не так страшен черт, как его малюют. Вполне естественно, что люди, которые провели в стране долгое время, воспринимают ее не так, как обычные туристы. Однако в случае с нацистской Германией контраст между этими двумя группами очень сильно бросается в глаза.

Тем, кто родился после Второй мировой войны, легко увидеть проблемы, с которыми сталкивались путешественники в 1930-х гг., в черно-белых красках. Дескать, люди, которые не понимали, что Гитлер и нацисты – это зло, были глупы или сами поддерживали нацистов. В этой книге я не ставлю цель всесторонне исследовать поездки иностранцев в нацистскую Германию. На основе свидетельств десятков путешественников я пытаюсь показать, что было не так-то просто разобраться в происходящем, как нам сейчас кажется. Рассказы этих иностранцев, тревожные, абсурдные, банальные или трагичные, дают новое понимание непростой жизни в Третьем рейхе, его парадоксов и окончательного падения.

---

⁶ Среди требований Гитлера не было требования возвращения колоний, он не был сторонником простой ревизии Версальского договора, он хотел полного передела геопорядка и «жизненного пространства» на Востоке.

⁷ Nancy Mitford, *Pigeon Pie* (London: Hamish Hamilton, 1940), p. 43.

1. Открытые раны

«Германия ждет вас» – такая надпись красуется на одной туристической брошюре для американцев. На обложке этой брошюры изображен молодой человек в коротких кожаных штанах («ледерхозен») и в шляпе с пером. Он идет вдоль небольшого оврага. Над ним возвышается готический замок, а на заднем плане виднеются покрытые ослепительным снегом горные вершины. Молодой человек приветливым жестом показывает рукой на вставку в брошюре: стоящий в порту Нью-Йорка морской лайнер и солнце, восходящее за статуей Свободы, которое символизирует новое светлое будущее.

Приглашение отправиться в Германию выглядит очень заманчиво, но больше всего в этой брошюре поражает дата ее выпуска. Отпечатанная всего через несколько месяцев после окончания Первой мировой войны, она стала результатом совместной работы ведущих отелей Германии (среди них «Hotel Bristol» в Берлине и «Englischer Hof» во Франкфурте-на-Майне), которые предприняли смелую попытку возродить туризм. В этом буклете нет никаких упоминаний об ужасах, которые совсем недавно пережила Европа и за которые Германия, по мнению большинства, несла ответственность. Авторы брошюры, однако, не соврали о красоте страны. Поскольку боевые действия проходили за пределами Германии, большая часть немецкой территории не пострадала. В брошюре представлены двадцать городов, и только в описании Эссена («ранее это был центр оружейного производства, а сейчас в городе выпускают гражданскую продукцию») можно увидеть намек на недавнюю войну. Этот буклет во многом был рассчитан на американцев, которые посетили страну до Первой мировой и «хранили в своем сердце радостные воспоминания» о романтической и поэтичной Германии, любили ее кирпичи, замки, культурные ценности, Баха, Бетховена и Вагнера.

Одним из таких американцев был двадцатисемилетний Гарри Франк, известный писатель-путешественник⁸. Он вернулся в Германию в апреле 1919 г., всего через пять месяцев после подписания соглашения о перемирии. Франк исследовал неоккупированную территорию Германии к востоку от Рейна. Это путешествие оказалось не самым простым, потому что за красивыми картинками из туристического буклета скрывалась суровая реальность. Миллионы голодных немцев, потерявших на войне своих друзей, наверняка сочли бы брошюру плохой и крайне неуместной шуткой. Франк предвкушал путешествие со всем энтузиазмом здорового молодого человека. А вот обычные немцы, с которыми писатель стремился найти контакт, не ждали ничего хорошего от послевоенной жизни: горе, голод и неуверенность в завтрашнем дне стали их постоянными спутниками.

11 ноября представители образованной за два дня до этого Веймарской республики подписали соглашение о перемирии. Германия находилась на грани распада. Еще до окончания войны в Киле матросы подняли восстание, и началась революция, быстро охватившая всю страну. Солдаты дезертировали с фронта⁹, в стране проходили забастовки, которые переросли в гражданскую войну. Шла борьба между сторонниками «Союза Спартака», которые вскоре объединились в Коммунистическую партию Германии¹⁰, и фрайкорами – добровольческими подразделениями, которые состояли из бывших военных, придерживавшихся правых взглядов

---

⁸ К 1918 г. было опубликовано пять книг Франка, наиболее известной из которых стала книга «Путешествие бродяги вокруг света».

⁹ Это не так, немецкий фронт сохранил устойчивость до конца, в принципе Германия могла воевать еще год или больше. Взбунтовались бездействовавшие всю войну военные моряки, которым в конце войны было приказано начать самоубийственное последнее сражение с английским флотом, и голодающий вследствие блокады тыл. Немецкие фронтовые части в полном порядке покидали позиции во Франции, и в Германии их встречали как победителей.

¹⁰ На деле революционные намерения имели не только спартаковцы, но и другие группы: берлинские революционные старосты, левые независимцы, так называемая Народная морская дивизия и всякого рода анархисты.

и боровшихся с большевизмом. Спартакисты во главе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом имели мало шансов против хорошо дисциплинированных военизированных групп демобилизованных солдат, и к августу 1919 г. их восстание было подавлено, а лидеры убиты. Однако волнения в стране не утихали, и даже те, кто непосредственно не участвовал в противостоянии, столкнулись с ужасными последствиями послевоенного насилия. Немцы перестали верить руководству страны, боялись коммунизма и голодали из-за продолжавшейся военной блокады. В 1919 г. жизнь в Германии точно не была райской, уныние и отчаяние царили в этой стране¹¹.

Первым рейхсканцлером Германии после Ноябрьской революции 1918 г. и первым президентом страны стал социал-демократ Фридрих Эберт. Он родился в семье портного и сам по профессии был шорником. Невозможно представить двух более непохожих друг на друга людей, чем Эберт и бывший император Германии, король Пруссии и внук королевы Виктории Вильгельм II. Несмотря на то, что Эберт был простым, грубым человеком, чьим манерам не хватало утонченности, иностранцы очень быстро полюбили его за прямоту. Один британец писал, что «маленькие пронизательные глаза Эберта светились добрым и честным юмором»¹². 10 декабря 1918 г. Эберт стоял у Бранденбургских ворот, приветствуя возвращавшиеся с войны полки королевской прусской гвардии. Лоренц Адлон, основатель известного отеля «Адлон», увидел с балкона, как солдаты сделали равнение направо. Для таких монархистов, как Лоренц, это был грустный момент. Раньше пристальные взгляды солдат устремлялись на одетого в форму блистательного кайзера, который сидел на прекрасной лошади. Теперь солдаты смотрели на приземистую фигуру председателя Совета народных уполномоченных Германии (так тогда официально звучала должность Эберта). Он, одетый в черное пальто и цилиндр, стоял на возвышении и обращался к гвардейцам с такими словами: «Вы вернулись непобежденными»¹³. В ту минуту, должно быть, даже самый преданный монархист обрадовался, услышав речь Эберта.

Убеждение, что немецкая армия осталась непобежденной, глубоко укоренилось в сознании людей. До того как Франк отправился в путешествие, он служил офицером в американском экспедиционном корпусе, штаб-квартира которого располагалась в Кобленце на реке Рейн. По долгу службы Франк проводил интервью с десятками немецких солдат. Все они были уверены в том, что с точки зрения военного престижа они вышли из войны победителями. Солдаты считали, что проиграли войну из-за предательства политиков в Берлине, а также нехватки продовольствия в результате трусливой блокады союзников, которая вынудила Германию сдаться.

Франк неоднократно слышал подобные высказывания не только от солдат, но и от своих родственников, проживавших на севере страны в городе Шверин. «Англия заморила нас голодом и только поэтому победила, – говорили они. – Наши храбрые солдаты на фронте никогда не сдавались. Они бы ни на шаг не отступили, если бы не начался коллапс в самой стране»¹⁴. Франк писал, что немцы не чувствовали никакой вины. Более того, писатель не помнил, чтобы хотя бы один немец высказал сожаление по поводу случившегося: «Такое ощущение, что все воспринимали войну как что-то естественное и неизбежное, как часть жизни. Подобно игрокам в азартные игры, немцы сожалели лишь о том, что им не повезло и они проиграли»¹⁵.

---

¹¹ Дело в том, что противникам Германии, прежде всего Англии, удалось установить весьма эффективную военно-морскую блокаду страны, от которой немцы не могли избавиться из-за слабости своего флота. От этой блокады немцы очень сильно страдали, поскольку Германия себя не обеспечивала продуктами питания. Уже в 1916 г. по самой тяжелой карточке рабочий получал из белковой пищи одно куриное яйцо в неделю. Смертность от болезней, связанных с голодом, сильно выросла. Стремление военного руководства избавиться от блокады и объявление неограниченной подводной войны было причиной вступления США в войну, чтобы восстановить свободу торговли.

¹² W. Stewart Roddie, *Peace Patrol* (London: Christophers, 1932), p. 97.

¹³ Hedda Adlon, *Hotel Adlon: The Life and Death of a Great Hotel* (London: Barrie Books, 1958), pp. 74–75.

¹⁴ Harry A. Franck, *Vagabonding Through Changing Germany* (New York: Grosset & Dunlap, 1920), p. 172.

¹⁵ *Ibid.*, p. 37.

Франк родился в семье выходцев из Германии и потому принимал близко к сердцу унижительное положение, в котором находились гражданские лица, проживавшие в оккупированной Рейнской области: «Оккупация – это когда орда вооруженных незнакомцев проникает во все уголки и щели твоего города, заходит в твой дом, лезет в твою личную жизнь. Это когда смотрят, что ты там прячешь за трубой в кладовке, это когда ты уступаешь свободную кровать... Это когда ты подчиняешься или, по крайней мере, подчиняешь свои планы правилам, а иногда и прихотям оккупантов»¹⁶.

Немцам не разрешалось путешествовать, писать письма, звонить, телеграфировать и издавать газеты без разрешения американцев. Им также запрещалось пить алкоголь крепче вина и пива и собираться в кафе без письменного согласия. Существовали даже распоряжения, по которым в ночное время владельцы домов должны были держать окна открытыми. Оккупация самым серьезным образом отразилась на жизни гражданского населения, в том числе интимной¹⁷. Чтобы ни у кого в Кобленце не оставалось сомнений насчет того, кто в городе главный, над крепостью Эренбрайтштайн, которая расположена на восточном берегу Рейна, развевался такой огромный американский флаг, что его было видно за много километров. Это был «самый большой флаг оккупационных сил»¹⁸ – язвительно отмечала жена одного английского полковника – и, пожалуй, самое откровенное свидетельство их триумфа.

В сельской местности дороги заполнили «потоки солдат-янки». На их военных машинах были изображены разрубленные топором немецкие каски. Повсюду одетые в обноски военной формы мальчишки продавали сувениры: пряжки ремней с надписью «Gott mit uns» («С нами Бог») и пикельхельмы – остроконечные шлемы. Молодые мужчины в серых изодранных мундирах грузили на повозки толстые уродливые репы, которые на протяжении почти всей войны были единственным продуктом, спасавшим немцев от голода. По дорогам громыхали автомобили оккупантов, а по Рейну мимо самой известной достопримечательности этих мест – скалы Лорелеи – проплывали корабли, забитые солдатами, которые распевали антинемецкие песни. «Даже сам Бедекер¹⁹, – прокомментировал увиденное Франк, – не ожидал такого наплыва туристов и экскурсантов, как весной 1919 г.»²⁰.

Другой американский офицер, лейтенант Трумэн Смит, участвовавший во многих операциях Первой мировой войны и так же, как и Франк, служивший затем в Американском экспедиционном корпусе, писал об «удивительной красоте Рейна», но в то же время отмечал, что пейзаж с развалинами замков, поросшими соснами пригорками и виноградниками казался ему «темным и таинственным»²¹.

Через несколько недель после подписания перемирия Смит отправил своей жене письмо в Новую Англию (США), в котором были такие строки: «Наверное, тебе интересно узнать все о «гуннах», что они за люди и так далее. Понять их не так-то просто. Сложно сказать, кто они такие»²². Вскоре лейтенант назвал немцев «гордыми сфинксами», наблюдая, как быстро они снова принялись трудиться, несмотря на отсутствие подходящих условий. Смит также отметил, что, хотя немцы, судя по всему, полностью смирились с американской оккупацией, они с большим цинизмом относятся к собственной молодой республике, а также живут в «смертельном страхе перед большевизмом»²³.

¹⁶ Ibid., pp. 25–26.

¹⁷ Ibid., pp. 28–29.

¹⁸ Violet R. Markham, *A Woman's Watch on the Rhine* (London: Hodder & Stoughton, 1920), p. 181.

¹⁹ Карл Бедекер (1801–1859) – немецкий издатель. Основал в 1827 г. в Кобленце издательство путеводителей по различным странам. Имя Бедекера воспринималось тогда как синоним слова «путеводитель».

²⁰ Franck, p. 74.

²¹ 20 December 1918, Truman Smith papers (TSP), Herbert Hoover Presidential Library.

²² Ibid.

²³ Ibid., 23 December.

Лейтенант наверняка бы согласился с наблюдением другого американца, чье имя осталось неизвестным. Путешественник писал, что «чем дольше живешь в Германии, тем больше удивляешься простоте (иногда наивной, а иногда раздражающе глупой) и дружелюбию людей». Этого американца поражала неожиданная человеческая теплота, которую он почувствовал в немцах. Одна женщина, которая жила в британском секторе оккупации в Кельне, помогла ему понять происходящее:

«До прихода англичан мы голодали. Сейчас в обращении появились деньги, а в магазинах есть продукты и даже «молочка» из Англии, Франции и Скандинавии. Многие из английских солдат и офицеров относятся к нам дружелюбно. Я сама вышла замуж за британца. У меня дома расквартировали двух британских офицеров, однажды они пригласили своих сослуживцев, и я сделала пунш. Один из гостей попробовал его и сказал, что не уедет из Кельна до тех пор, пока я не соглашусь выйти за него замуж. Вот и все»²⁴.

В американском секторе оккупации с гораздо большей строгостью, нежели в британском, следили за общением с немцами и запрещали братание. Однако насаждать эти жесткие правила в реальности было довольно сложно, так как многие американские солдаты имели немецкие корни. К началу войны в США проживало около восьми миллионов американцев, родители или бабушки и дедушки которых были выходцами из Германии. Эти солдаты воевали с немецким государством, но тепло относились к населению Германии. Да и разве могли они вести себя иначе, когда немки стирали их одежду и пекли им печенье, словно родные матери? А что касается девушек, как точно подметил Смит, «обычному солдату совершенно все равно, как ее величать: фройляйн или мадемуазель. Он просто хочет вскружить ей голову и потом вернуться домой»²⁵.

Между победителями и побежденными сложились сложные отношения, которыми восхищалась Виолетта Маркхам, убежденная сторонница либерализма и внучка архитектора и садовника сэра Джозефа Пакстона. В июле 1919 г. она вместе с мужем-полковником прибыла в расположение британских войск в Кельне. Ее поразили «вежливость и хорошее отношение немцев», среди которых англичане жили, словно завоеватели. Маркхам спрашивала себя: «Как могут эти люди, по крайней мере внешне, не проявлять никакого недовольства теми, кто их победил?»²⁶ Женщина также не могла понять, почему многие «фрицы» приходили на различные военные мероприятия англичан на площадь Домплац, где «с мрачным и непокорным видом» возвышался собор, тонувший в море камуфляжа. «Разве можно себе представить, – писала она, – чтобы на военный парад немецких войск около Букингемского дворца пришли толпы жителей Лондона?» Холодным ноябрьским днем 1919 г., в первую годовщину подписания перемирия, Маркхам наблюдала, как на ступеньки собора поднялись горнисты и в тишине, «нарушаемой лишь стонами ветра», прозвучал сигнал отбоя²⁷.

Маркхам и ее муж жили в доме со всеми удобствами (в нем, как и во многих других домах Кельна, имелось центральное отопление). Постепенно их отношения с хозяйкой становились все более дружескими, а с прислугой, напротив, не складывались. «Кухарка Гертруда сама респектабельность и ходячая добродетель, – писала Маркхам. – Но при этом люто ненавидит англичан и часто спорит с солдатскими слугами»²⁸. Вполне возможно, что такое отношение к британцам, как у Гертруды, было гораздо более распространено среди немцев, чем Маркхам готова была признать. Писательница Винифред Холтби ничуть не сомневалась в этом. В

---

²⁴ 'The American Watch on the Rhine by an American', Society of Friends Library, London, Friends' Emergency War Victims Relief Committee (FEWVRC) 1914–1924, 10/3/7.

²⁵ Truman Smith to his wife Kay, 20 December 1918, TSP.

²⁶ Markham, pp. 15–16.

²⁷ Ibid., pp. 56–57.

²⁸ Ibid., p. 71.

письме своей подруге Вере Бриттен она призналась, что Кельн произвел на нее «душераздирающее впечатление»:

«По всему городу маршируют веселые, дружелюбные и безответственные британские солдаты. Их столовые расположены в лучших отелях и в прекрасном здании у Рейна. На дверях этих заведений висят объявления «Немцам вход воспрещен». Питаются солдаты за счет налогов, которые платят жители Германии. Под ярко освещенными окнами этих столовых собираются немецкие дети и смотрят, как солдаты пожирают бифштексы. Я никогда не видела ничего более вульгарного»²⁹.

* * *

Вскоре после окончания войны многие военнослужащие вроде Франка и Смита осознали, что предпочитают Германию Франции. Помимо того, что в Германии города были чище, люди исполнительнее, а водопроводная система работала лучше, радовали солдат и более низкие цены. По словам Смита, в Германии не складывалось ощущение, что «тебя грабят»³⁰. Вот что лейтенант писал в марте 1919 г. своей свекрови:

«Мне кажется, большинство американских солдат покидает Францию с чувством ненависти и презрения. Им не нравится отношение французов к деньгам, и они почти все время чувствовали себя во Франции некомфортно. Американцы видят, что их постоянно обманывают. То, что во Франции стоят разрушенные церкви и города, мгновенно забывается, когда француз пытается содрать с тебя 15 франков за носовой платок. При этом в Германии американцам не приходится переплачивать, даже когда военный контроль ослаблен»³¹.

Учитывая то, что Франция сильно пострадала из-за Германии, это любопытное, однако далеко не единственное заявление такого толка. Антифранцузские настроения прослеживаются в записях многих путешественников самых разных социальных слоев и политических взглядов.

В письмах Смита отражено восхищение офицера немецкой эффективностью: «Здесь очень мало очарования Старого света. Такое ощущение, что немцы – энергичная и суровая нация, когда-то высокомерная и властная, а теперь сбитая с толку и пытающаяся справиться с анархией»³². Германия, возможно, разбита поражением, продолжал Смит, «но у страны есть энергия и жизненные силы»³³. Бесспорно, эти наблюдения были верны в отношении оккупированной союзниками Рейнской области, но в остальной части Германии люди жили не так благополучно, в чем убедился Гарри Франк.

Его томила служба в рядах американского экспедиционного корпуса, и он очень хотел сбросить военную форму и попутешествовать по стране самостоятельно. После того, как Франк получил соответствующее разрешение, выяснилось, что въехать на неоккупированную часть территории Германии не так-то просто. Благодаря счастливому стечению обстоятельств и собственной хитрости Франк прибыл в Берлин на поезде из Голландии. Одетый в плохо сидящий на нем голландский костюм, он стоял на перроне Анхальтского вокзала. Франку не терпелось начать исследовать город. Вид Анхальтского вокзала с арками, напоминавшими об архитектуре соборов, и парящими сводами впечатлил писателя. Он почувствовал мощь и непоколебимость великого города.

---

²⁹ Alice Holtby and J. McWilliam (eds.), *Winifred Holtby: Letters to a Friend* (London: Collins, 1937), p. 280.

³⁰ Truman Smith to his wife Kay.

³¹ Truman Smith to his mother-in-law, 16 March 1919.

³² Truman Smith to his wife Kay, 14 February 1919.

³³ *Ibid.*, 23 December 1918.

Последний раз Франк посещал Берлин десять лет назад. Ему показалось, что столица Германии мало изменилась за время его отсутствия. Конечно, здание Рейхстага предстало перед ним «безмолвным и холодным», а дворцы кайзера выглядели как «заброшенные склады», но массивные статуи представителей династии Гогенцоллернов все так же стояли вдоль Аллеи Победы в парке Тиргартен. В магазинах продавали все необходимое, жители были хорошо одеты, а увеселительные заведения не знали отбоя от клиентов³⁴.

Франк оказался далеко не единственным путешественником, которого поразил этот внешний лоск. Однако на самом деле благополучие было мнимым. Министр обороны Веймарской республики Густав Носке (работавший в свое время мясником) объяснял подполковнику Уильяму Стюарту Родди, что внешнее процветание обманчиво, как «обманчив румянец пациента, который на самом деле умирает от чахотки»³⁵.

Военное министерство Великобритании отправило Стюарта Родди в Берлин, чтобы определить состояние, в котором находилась Германия. Родди свободно говорил по-немецки (он учился в Саксонии), любил немцев и их культуру и поэтому оказался идеальным человеком для выполнения поставленного задания. «Мы исследовали все стороны жизни для того, чтобы составить многоплановую непредвзятую картину происходящего, – писал он. – Везде к нам относились вежливо и с пониманием».

Стюарт Родди провел в Германии семь лет, выполняя различные поручения британского Военного министерства. Вот как он отзывался об этом времени: «Любопытный факт: несмотря на род моей деятельности и то, что немцы имели полное право презирать и ненавидеть меня, я не припомню ни одного случая, когда со мной обошлись грубо или оскорбительно. Сложности действительно были. Случалось, что люди пытались препятствовать выполнению моей работы. Я сталкивался с глупостью. Но никогда – с раболепием или невежливостью»³⁶.

Франка тоже удивило, насколько толерантно жители Берлина относились к оккупантам. Солдаты союзных войск могли свободно гулять по городу и не волноваться за свою безопасность. «Американцы чувствовали себя на Унтер-ден-Линден так же спокойно, как если бы они прогуливались по главной улице в Де-Мойне», – писал Франк.

Тем не менее уже тогда начали набирать силу антикоммунистические и антисемитские настроения, которые стали определяющими факторами внутренней политики Германии в межвоенные годы. Повсеместно на стенах были расклеены яркие кричащие плакаты, предупреждавшие об ужасах, которые принесет с собой большевизм. Плакаты призывали добровольцев и фонды «остановить угрозу, которая уже стучится в восточные ворота Отечества».

Жители Берлина прекрасно помнили кровавое восстание спартаковцев, поэтому подобные призывы находили отклик в их сердцах. Стюарт Родди прибыл на Потсдамский вокзал Берлина в самый разгар этого события: «Выйдя на перрон, я услышал звуки пулеметных очередей, раздававшиеся где-то совсем поблизости, и даже засомневался на мгновение, стоило ли мне покидать вагон»³⁷. Водитель такси сообщил Родди, что стрелявший с Брандербургских ворот человек был «одним из ирландцев Роджера Кейсmenta»³⁸, который приехал в Берлин, чтобы сражаться против Красной Армии³⁹.

---

³⁴ Franck, p. 114.

³⁵ Stewart Roddie to Lord Stamfordhaven, 30 January 1920, Parliamentary Archives, Lloyd George papers, F/29/4/6.

³⁶ Stewart Roddie, pp. 22–23.

³⁷ Ibid., p. 1.

³⁸ Роджер Дэвид Кейсмент (1864–1916) – британский дипломат, затем деятель ирландского национально-освободительного движения. Повешен после Пасхального восстания в Ирландии. *Прим. пер.*

³⁹ Дело в том, что немцы во время войны поддерживали борьбу ирландцев за независимость (они ее обрели в 1921 г.), чему препятствием была Великобритания. Во Вторую мировую войну ирландские националисты также симпатизировали Германии, нацисты отвечали им тем же.

После того, как в мае 1919 г. стали известны условия Версальского договора, Франк заметил, что тексты плакатов стали еще больше наполнены злобой и яростью:

Пятьдесят месяцев мы, не жалея себя, храбро воевали на фронте, и нашу армию никто не смог победить. Сейчас мы вернулись домой, бесчестно преданные дезертирами и бунтовщиками. Мы надеялись на то, что Германия стала свободной и страной управляет выбранное народом правительство. А что же нам предложили на самом деле?

ОТКРОЙТЕ ГЛАЗА!

ТОВАРИЩИ, ВЫ ЖЕ ЗНАЕТЕ, КТО СОСЕТ НАШУ КРОВЬ!

ТОВАРИЩИ, КТО ПОШЕЛ НА ФРОНТ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

КТО МЕСИЛ ГРЯЗЬ В ОКОПАХ? МЫ!

КТО ПОЛУЧАЛ РАЗРЕШЕНИЕ НЕСТИ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ДОМА?

ЕВРЕИ!

КТО ОТСИЖИВАЛСЯ В УЮТНЫХ КАБИНЕТАХ И СТОЛОВЫХ?

КАКИЕ ВРАЧИ СПАСАЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ОТ ОКОПОВ?

КТО ВСЕГДА ПРИЗНАВАЛ НАС ГОДНЫМИ К СЛУЖБЕ, ХОТЯ НА НАС УЖЕ НЕ БЫЛО ЖИВОГО МЕСТА?

Товарищи, мы, как свободные люди, желаем, чтобы нами управляли представители нашей расы! Национальное собрание должно провести в правительство людей НАШЕЙ крови и НАШЕГО мировоззрения!

ГЕРМАНИЯ ДЛЯ НЕМЦЕВ!

Помимо плакатов, которые встречались на каждом шагу, Франк также обратил внимание на объявления в газетах, свидетельствовавшие о том, что в стране процветала бартерная экономика: «Меняю яловые сапоги на таксу с хорошей родословной» или «Меняю четыре классических мужских рубашки на блузу и джемпер для рабочего»⁴⁰.

Очень быстро Франк и Стюарт Робби поняли, что на самом деле жителей Берлина в 1919 г. волновало только одно – продукты питания. Практически любой разговор немцев, за исключением спекулянтов и очень богатых людей, быстро переходил на эту тему. Немцы голодали по всей Германии, но наиболее плачевной была ситуация в Берлине. Несмотря на обилие плакатов, предостерегавших немцев от переезда в Берлин, власти не могли остановить бесконечный поток людей, которые искали работу.

До официального подписания Версальского договора союзники продолжали блокаду Германии, начавшуюся еще в 1914 г. Такое поведение победителей вызывало непонимание и чувство злобы у немцев.

Когда Франк пересекал голландско-немецкую границу, он стал свидетелем того, как голландские таможенники искали у немцев спрятанные продукты. У одной бедной женщины они конфисковали весьма скромный обед. Эта женщина сидела, сгорбившись, в углу вагона и тихо плакала, а двое мужчин, как только поезд пересек немецкую границу, спокойно достали продуктовую контрабанду. Один из них вынул из штанины батон колбасы, а другой вытащил небольшую коробочку, в которой лежали тонко нарезанные пластинки мыла размером не больше визитной карточки. «Владелец мыла начал предлагать несколько пластинок своему соседу, который отказывался, утверждая, что не может принять такой щедрый дар. Владелец мыла, однако, настоял на своем. Его сосед низко поклонился и в знак благодарности два раза

---

⁴⁰ Franck, pp. 115, 130, 132–133.

приподнял шляпу, после чего аккуратно убрал драгоценные, тонкие пластинки мыла в свои бумаги»⁴¹.

Иностранцы легко узнавали жителей Берлина по выступающим скулам, желтоватому цвету лица и свободной одежде. Голодали не только бедняки, но и представители среднего класса. Стюарт Робби писал, что рыночные площади превратились в общественные кухни, где ежедневно кормили тысячи людей из всех слоев общества: «Голод уравнивает всех. Старьевщик стоит бок о бок с профессором. Какое необычное зрелище: оба жалкие, истощенные, несчастные и дрожащие»⁴².

Жители Берлина больше не говорили друг другу: «Что ж ты так похудел!» Франк заметил, что среди школьников ему не встретилось хотя бы «парочки розовощеких ребят. Румяными были только те дети, которые недавно приехали из сельской местности. Их лица светились, словно полная луна, в окружении серого тумана мертвенно-бледных лиц других ребят». Продуктовый вопрос стоял настолько остро, что в театрах перестали показывать сцены, связанные с приемом пищи. Люди опасались, что в противном случае «любая, даже самая смешная комедия превратится в мелодраму и вызовет у зрителя слезы»⁴³.

Франку совсем не понравился пахнувший плесенью «военный» хлеб, «состоявший наполовину из грязи, наполовину из опилок. Он был тяжелее и чернее кирпича-сырца». «Тем не менее, начиная с 1915 г., немецкий народ питался почти исключительно этой адской субстанцией. Неудивительно, что в конце концов им это надоело!»⁴⁴ – размышлял писатель.

Вкус такого хлеба не улучшало ни желе из репы, ни заменитель джема. Поскольку в пище содержалось крайне мало полезных для организма веществ, люди слабели и производительность их труда снижалась. Впрочем, практически все товары от веревки до резины, от рубашек до мыла превратились лишь в жалкое подобие реальных вещей. Магазины были наполнены подделками, порой гениальными, но чаще всего бесполезными. Газеты писали, что Германия стала нацией суррогата.

Но помощь была не за горами. В пасхальное воскресенье 1919 г. в Берлин пропустили два грузовика, которые везли неслыханные богатства – одеяла, говядину, сгущенное молоко, какао, подгузники и ночные рубашки. К каждой посылке прилагалась записка со словами: «Подарок любви голодным детям и их бедным матерям от Общества друзей из Англии, а также их сторонников»⁴⁵.

Через три месяца, 5 июля, в Берлин прибыли четыре «довольно растерянных» английских квакера (двое мужчин и две женщины). Их никто не ждал, и им некуда было идти. Квакеры стояли на платформе у Анхальтского вокзала и не осмеливались подходить к людям, поскольку боялись привлечь к себе слишком много внимания⁴⁶. Но пути Господни неисповедимы, и в тот вечер англичане оказались в роскошном особняке бывшего немецкого посла в Лондоне князя Лихновского.

Самой известной из четверки квакеров была Джоан Фрай. Ее брат Роджер Фрай входил в Блумсберийский кружок⁴⁷ и близко общался с княгиней Лихновской. Поэтому квакеры первым делом собрались в одной из роскошных спален княгини. До сорокапятилетнего возраста Джоан никогда не выходила из дома без сопровождения и ни разу не бывала в театре (восемь поколений ее предков по линии отца и матери были квакерами), но она приехала в Германию

---

⁴¹ Ibid., p. 102.

⁴² Stewart Roddie, p. 20.

⁴³ Ibid., pp. 138, 139.

⁴⁴ Franck, p. 19.

⁴⁵ *The Friend*, 2 May 1919.

⁴⁶ Joan Mary Fry, *In Downcast Germany* (London: James Clarke, 1944), p. 13.

⁴⁷ Объединение британских интеллектуалов, среди которых был известный философ Бертран Рассел, писательница Вирджиния Вулф, выступавшее против викторианского ханжества, за большую открытость и свободу.

с благородной целью – смягчить вызванные блокадой союзников страдания немецкого народа и оказать ему поддержку.

Бесспорно, такие иностранцы, как Франк, Смит, Фрай и Родди, отправились в Германию в непростое время. Но им удалось побывать в неоккупированной части страны и получить уникальный опыт. Они увидели гордых и трудолюбивых людей, которые стойчески переносили выпавшие на их долю трудности и принимали свою судьбу.

2. Обостряющаяся боль

Квакеры не теряли времени. В течение нескольких дней после приезда они устроили в больнице пикник, на котором угощали берлинцев такими деликатесами, как «сухое молоко «Glaxo» от Красного Креста, куриное жиле от мисс Плейн и виноград от компании «Dorothy Perkins». «Было приятно намазывать на толстый ломтик хлеба с маргарином густой слой патоки», – вспоминал один из коллег Фрай⁴⁸. В Берлин также прибыла более многочисленная делегация американских квакеров и начала программу «Детское питание», которую поддерживал Герберт Гувер. Максимальное количество детей, получавших питание по этой программе, достигало 1,75 миллиона человек.

Фрай с коллегами не стали долго задерживаться в Берлине. 28 июля 1919 г., всего через месяц после подписания Версальского договора, Джоан написала родственникам письмо, в котором рассказывала о поездке в Эссен и Дюссельдорф. Квакеры отправились туда, чтобы разобраться с проблемой нехватки угля. «Мы с удручающей регулярностью сталкиваемся на каждом шагу с дефицитом угля», – сообщала Фрай своим близким. Битком забитые поезда, на которых квакеры путешествовали по стране, часто останавливались и часами не могли тронуться с места, поскольку отсутствовало топливо. «А чего вы ожидали? – спросил Фрай начальник одной станции. – Французы и англичане отняли у нас уголь, мы не можем управлять поездами»⁴⁹.

Продолжительные остановки оказались далеко не единственной сложностью поездки. Было практически нечего есть, сиденья в вагонах давно уже лишились плюшевой обивки, которую сняли, чтобы сделать одежду; а окна, оставшиеся без кожаных ремней, плохо закрывались или были сломаны. Но квакеров ничто не могло остановить. Это была первая из множества экспедиций по стране, которые за последующие семь лет Фрай совершила со своими коллегами. Квакеры организовали программу помощи, участвовали в конференциях и призывали всех, кто был готов их слушать, к примирению.

Немногочисленные путешественники, которые, как Джоан Фрай и Гарри Франк, побывали летом 1919 г. на территории к востоку от Рейна, не могли игнорировать невероятное ухудшение условий жизни немцев после подписания Версальского договора. Немцы твердо верили, что проиграли в честном бою, и рассчитывали, что президент Вильсон гарантирует им справедливый мирный договор. Большинство из них было совершенно не готово к унижительным условиям Версаля.

По мирному договору Германия потеряла все свои колонии (наиболее важные из них находились в Африке), промышленные районы страны должны были в течение по крайней мере пятнадцати лет находиться под контролем иностранцев, Германия обязалась выплатить странам Антанты астрономические репарации. Немецкая армия не должна была превышать 100 тысяч человек, а военный флот Германии был полностью уничтожен⁵⁰. Чтобы обеспечить Польшу выход к морю, портовый город Данциг (в котором проживало, главным образом, немецкое население) передали полякам⁵¹. Так на карте появился «польский коридор», отделивший Германию от Восточной Пруссии. Немецкая делегация была вынуждена расписаться в том, что вина за развязывание войны лежала исключительно на Германии. Но больше всего

---

⁴⁸ *The Friend*, 8 August 1919.

⁴⁹ 2 August 1919, Society of Friends Library, Relief Mission Germany, Joan M. Fry, FEWVRC/Missions/10/1/6/7.

⁵⁰ Вернее, немецкое командование привело флот в Скапа-Флоу и там его утопили, а не передали победителям.

⁵¹ Это не так – Данциг был объявлен порто-франко, свободным городом, находившимся под управлением Лиги Наций. Поляки получили собственно коридор и порт на другом берегу Данцигской бухты – Гдыню, или, по-немецки, Гдиньен. Польские власти, правда, настаивали на передаче Данцига Польшу и весьма назойливо и упорно, постоянно провоцируя немцев в Данциге.

многим немцам не понравилось условие, согласно которому кайзер и тысяча видных государственных деятелей должны были быть переданы союзникам и привлечены к ответственности за военные преступления. Правда, в действительности это условие так и не было выполнено.

Тем летом Франк и Фрай, путешествуя по стране, много общались с простыми немцами. Одна пожилая женщина сказала Джоан, что во время войны она не чувствовала никакой ненависти, а вот условия мирного договора ее возмутили: «К нам относятся, как к изгоям, с которыми не может быть никаких отношений. Это хуже, чем голод и постоянные волнения». Другая женщина отметила, что раньше она с большим удовольствием говорила по-английски, но «теперь сломленные люди не желают слышать этот язык»⁵². По наблюдениям Франка, женщины больше всего были недовольны договором в целом, а старики особенно негодовали по поводу потери колоний: «Лучше заплатить любые деньги, чем терять территорию... Союзники пытаются раздробить нас... они хотят полностью нас уничтожить... мы поверили Вильсону, а он нас предал». Некоторые немцы рисовали будущее в еще более мрачных красках: «Сейчас нам придется с пеленок обучать наших детей ненавидеть, чтобы лет через тридцать, когда придет время...»⁵³.

Стюарт Родди и Трумэн Смит жили бок о бок с немцами в первые месяцы после подписания мирного соглашения. Они восхищались характером этой нации и испытывали к немцам симпатию. Смит объяснял необыкновенную жестокость условий договора позицией французов: «...невозможно ждать милости от французов. Поэтому нам придется испить до дна эту чашу отчаяния. Я надеялся, что наступит лучшая эпоха, а наш труд, жертвы и расставания с любимыми принесут свои плоды и помогут добиться прочного мира»⁵⁴.

Стюарт Родди считал, что союзники допустили серьезную ошибку, растянув ратификацию Версальского договора до января 1920 г.: «Союзники упустили правильный момент для того, чтобы вынести Германии свой вердикт. За это время она успела осудить саму себя и своих бывших руководителей и решила, что худшее, в чем ее могут обвинить, – это непреднамеренное убийство, но ее признали виновной в умышленном убийстве, грабеже и насилии и наказали за это»⁵⁵.

Тем не менее среди мрака иногда вспыхивали проблески света. Джоан Фрай вспоминала, как однажды на одном из кукурузных полей Мекленбурга она увидела девять упряжек лошадей: крестьяне вспахивали поле. Солнце садилось, и закат отражался в водах к северу от устья Эльбы. Навсегда Фрай также запомнила вечер, когда ее друг Альбрехт Мендельсон⁵⁶ играл на фортепиано произведения своего деда. Но даже в такие минуты женщина не забывала о страданиях голодавших детей с «крохотными дряблыми ручками и ножками и старыми, пепельно-серыми лицами»⁵⁷.

Свои приятные воспоминания были и у Виолетты Маркхам и Гарри Франка. Маркхам впечатлила Рейнская область. Англичанка описывала ее как «очаровательный сад» с зелеными полями и желтыми полосами цветущей горчицы. Виолетта наслаждалась разнообраз-

⁵² Ibid., 2 August 1919.

⁵³ Franck, pp. 190, 195.

⁵⁴ Truman Smith to his wife Kay, 11 May 1919, TSP.

⁵⁵ Stewart Roddie, p. 96.

⁵⁶ Внук композитора Феликса Мендельсона Альбрехт (1874–1936) был профессором международного права и убежденным пацифистом. В 1912 г. он вошел в комитет, целью работы которого было налаживание отношений между Германией и Англией. В 1920 г. Альбрехт стал профессором иностранного права в Гамбургском университете, а в 1923 г. основал Институт внешней политики – один из первых институтов, который занимался исследованиями, направленными на поддержание мира. После прихода в 1933 г. к власти Гитлера Мендельсон был вынужден отказаться от академической карьеры в Германии. В 1934 г. он уехал в Англию и стал старшим научным сотрудником в Бейлиол-колледже. Альбрехт умер в Оксфорде в ноябре 1936 г.

⁵⁷ Essen, 28 July 1919, Friends Library, FEWVRC/Missions/10/1/6/7.

ными оттенками зеленого, а также цветами, «благоухающими и светящимися в ярких солнечных лучах»⁵⁸.

Франк решил пройти за шесть недель пешком от Мюнхена до Веймара и в первую ночь своего странствия заночевал в деревушке под названием Хоенкаммер. «Не могу представить себе, – писал он, – что могло бы произойти с человеком, который остановился бы у американских фермеров и заявил им, что он немец и только что ушел из армии. Мне кажется, что такой человек не так хорошо провел бы время у этих фермеров, как я в гостинице деревни Хоенкаммер»⁵⁹.

На следующее утро стояла прекрасная погода, и Франк отправился в путь «по расстилающимся до самого горизонта ярко-зеленым полям, которые сменялись темно-зелеными – почти черными – хвойными рощами. Широкая светло-серая извилистая дорога петляла и действовала так же успокаивающе, как огромный океанский лайнер, медленно плывущий по поверхности тихо пульсирующего моря. Через каждые несколько миль на горизонте появлялся городок, стоявший прямо на дороге или примостившийся на склоне холма. Это были удивительно чистые селения: от выскобленных деревянных полов до беленых колоколен церквей нигде нельзя было найти ни пятнышка. Бархатистые зеленые луга или плодородные поля окружали каждый городок. На земле усердно, но неспешно работали мужчины и женщины. Сложно было представить, что эти простые и мягкие люди приобрели репутацию самых страшных и диких воинов современной истории»⁶⁰.

* * *

28 февраля 1923 г. Виолетта Бонем Картер вместе со своей служанкой села в поезд на вокзале Ливерпуль-стрит в Лондоне и отправилась в Берлин. Виолетта была дочерью Герберта Генри Асквита, премьер-министра Великобритании в 1908–1916 гг. и лидера Либеральной партии. Она решила посетить Германию, чтобы своими глазами увидеть французскую оккупацию Рура, которую считала «опасным сумасшествием».

11 января 60 тысяч французских и бельгийских солдат вошли в Рур. Они хотели обеспечить поставки угля, обещанного им по Версальскому договору: Германия не смогла справиться с этой задачей. Репарации, на которых настаивала Франция, по мнению Виолетты, были политическим безумием⁶¹. Она считала их несправедливыми с моральной точки зрения (в 1923 г. долг Германии перед союзниками составлял 6,6 миллиарда фунтов стерлингов, что эквивалентно 280 миллиардам по состоянию на 2013 г.). Многие британцы и американцы полагали, что экономический крах Германии приведет к победе коммунистов.

Путешествие до Берлина не было приятным. Переполненные и грязные поезда шли крайне медленно, поскольку в их топках жгли уголь низкого качества. На границе Виолетта поняла, что такое инфляция или, скорее, гиперинфляция. За два фунта ей выдали 200 тысяч марок – «огромные и тяжелые пачки денег», которые она с трудом могла нести. Англичанка заметила трех «типичных, нелепых американцев, которые словно только что вышли из Мюзикхолла». Они обсуждали между собой курс обмена, который называли большой шуткой: «5 тысяч марок – это же 5 центов». Более благоприятное впечатление на Виолетту произвел торговец рыбой из шотландского порта Абердин, который собирался купить в Германии рыболовное

---

⁵⁸ Markham, p. 128.

⁵⁹ Franck, p. 268.

⁶⁰ Ibid., pp. 272–273.

⁶¹ Масштабы репараций в самом деле были безумными – 132 млрд золотых марок. Такие репарации просто невозможно было выплатить, немецкое правительство отказалось от платежей и объявило о пассивном сопротивлении. В ответ на это французы и бельгийцы ввели войска в промышленный район Рура с тем, чтобы силой обеспечить поставки по репарациям.

судно и нанять на него немецкую команду. Шотландец объяснил, что у себя на родине не может найти таких хороших рыбаков, как немцы. «Я теперь за Германию, – сказал он. – Да и все мы теперь за Германию»⁶².

1 марта в 10.30 вечера Виолетта Бонем Картер прибыла в Берлин после пятнадцати часов пути и сразу же отправилась в британское посольство. Здесь она остановилась по приглашению посла лорда Д'Абернона и его жены Хелен. «Было просто божественно приехать грязной и уставшей в комфортабельное и чистое посольство, – писала Виолетта в своем дневнике. – Дорогой Тайлер открыл мне дверь и сказал, что Хелен уже легла спать после бала, а Эдгар еще бодрствовал. Я так рада была увидеть его в огромной и хорошо обставленной комнате. Бальный зал в посольстве украшен желтой парчой и милыми гобеленами, которые скрывают отвратительную немецкую лепнину»⁶³. Британское посольство располагалось рядом с отелем «Адлон» на Вильгельмштрассе. Фасад этого огромного, но ничем непримечательного здания выходил прямо на улицу.

Лорд Д'Абернон стал в октябре 1920 г. первым послом Великобритании в Германии после войны. Высокий и величественный, он выглядел как истинный посол. Работать в Германии было непросто, но лорду Д'Абернону повезло намного больше, чем его коллеге, французскому послу Пьеру де Маржери, который вместе со своими соотечественниками столкнулся с общественным бойкотом после оккупации Рура. Во всем Берлине только ресторан в отеле «Адлон» обслуживал французов и бельгийцев. На входе практически всех заведений города висели таблички с надписью «Французы и бельгийцы нежелательны». По словам Бонем Картер, такое положение вещей очень расстраивало французского посла, который недавно приехал в Берлин и надеялся, что «его обязательно полюбят»⁶⁴.

Леди д'Абернон была не только одной из самых известных красавиц своего поколения, но и смелой женщиной: во время войны она работала медсестрой-анестезистом во Франции. Жена британского посла не строила иллюзий насчет их миссии в Берлине: «Чтобы снова установить относительно приятные нормальные отношения, потребуется много сил и доброй воли», – писала она в своем дневнике 29 июля 1920 г. Леди д'Абернон не любила Германию и все немецкое и потому считала, что находится в Берлине из чувства долга, а не ради собственного удовольствия. Англичанка находила в столице Германии мало шарма. Она писала, что в городе «нет узких улочек, перепадов высот, извилистых переулков, неожиданных закоулков, уголков и мест»⁶⁵. Впрочем, ей нравилось смотреть, как зимой в Тиргартене катались на санях, запряженных лошадьми:

«Лошадь всегда увешана маленькими звенящими колокольчиками, а на голове у нее огромный белый плюмаж из конского волоса, похожий на шлем лейб-гвардейца, только намного большего размера. Сани часто красят в красный или ярко-синий цвет, а сидящие в них люди тонут в мехах и выглядят довольно колоритно, словно приехали из Франции XVIII века»⁶⁶.

Несмотря на личную неприязнь к Германии, Хелен Д'Абернон оказалась очень проникновенным наблюдателем. «Сейчас в Берлине модно демонстрировать свою бедность и подчеркивать жизненные сложности, – писала она после того, как познакомилась с министром иностранных дел Германии и его супругой, – поэтому, чтобы идти в ногу со временем, я оделась

⁶² Bonham Carter, *Diary*, 1–2 March 1923, vol. 15, University of Oxford, Bodleian Library (Bod.), Special Collections, MSS. Quoted in Mark Pottle (ed.), *Champion Redoubtable: The Diaries and Letters of Violet Bonham Carter 1914–1945* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1998), p. 141.

⁶³ Ibid. (not quoted in Pottle).

⁶⁴ Ibid., 5 March 1923.

⁶⁵ Viscountess D'Abernon, *Red Cross and Berlin Embassy, 1915–1926* (London: John Murray, 1946), p. 69.

⁶⁶ Ibid., p. 83.

в неброское голубоватое платье в пуританском стиле»⁶⁷. Впрочем, первый дипломатический прием в посольстве, который организовала Хелен, нельзя было назвать скромным: леди д'Абернон хотела показать, что Великобритания нисколько не изменилась с довоенных времен. Бальную залу украсили цветами. Гостей обслуживали слуги в ярко-красных ливреях. Двое слуг – Фриц и Эльф, работавшие в посольстве еще до войны, были одеты в треуголки и расшитые золотой нитью камзолы. Они стояли у входа, держа в руках посохи, увенчанные королевским гербом. Извещая о появлении важного гостя, Фриц и Эльф три раза громко ударяли посохами в пол. После этого приема Хелен Д'Абернон писала, что «не обменялась ни с кем и десятком интересных слов, не считая большевика из Украины», политические убеждения которого, по ее словам, «нисколько не мешали ему наслаждаться «старорежимной» вечеринкой»⁶⁸.

Хелен не была излишне сентиментальной, в большинстве случаев она оставалась равнодушна к лишениям немецкого народа. Жена британского посла встречалась с Джоан Фрай, которая не произвела на леди д'Абернон большого впечатления: «Мисс Фрай – сама самоотверженность и настоящий энтузиаст. Но ее сострадание распространяется исключительно на немцев. Она избегает разговоров о страданиях и лишениях в Великобритании»⁶⁹.

Хелен Д'Абернон имела свое мнение насчет положения дел в Германии. Жена британского посла заявила Виолетте Бонем Картер: «Поверь мне, немцы страдают не так сильно, как утверждают. Здесь нет большой бедности. 95 процентов населения живут в достатке, пять процентов голодают». После посещения самых бедных районов Берлина Виолетта должна была признать, что в оценке леди Д'Абернон есть доля правды. Бонем Картер не заметила ничего, что могло бы сравниться с трущобами Великобритании. Здесь были «широкие улицы, большие дома с окнами такого же размера, как в посольстве»⁷⁰.

Виолетта, как и многие другие иностранцы, наблюдавшие жизнь немцев в период инфляции, больше всего переживала за средний класс. В те годы мало кто мог позволить себе обратиться к высококвалифицированным специалистам. Инфляция уничтожила сбережения представителей среднего класса, и многие из них стали нищими. Виолетта знала, что в благоустроенных домах, в которых проживали порядочные семьи, каждый день «происходили ужасные тихие трагедии». Многие врачи, адвокаты и учителя, продав свои последние вещи, принимали яд, чтобы избежать унижительного нищенского существования и голодной смерти⁷¹. На пике инфляции в ноябре 1923 г. даже Хелен Д'Абернон начали задевать «ужасающие сцены, когда благородные люди прятались за деревьями в Тиргартене и протягивали руки, робко прося подаяния»⁷². Виолетта не могла понять, как при таком обнищании в дорогих магазинах все еще продают меха, драгоценности и цветы. Леди Д'Абернон объяснила, что все это могут купить только спекулянты, которые роскошно живут в лучших отелях столицы. Хелен также отметила, что «женщины этих спекулянтов ходят в меховых шубах с жемчугами и другими драгоценными камнями. Высокие желтые сапоги оттеняют красоту камней, хотя и смотрятся несколько странно»⁷³.

Коммунист и британский профсоюзный деятель Том Манн быстро заметил спекулянтов, когда весной 1924 года приехал в Берлин на партийную конференцию. Манн писал, что спекулянты «выглядят и ведут себя как типичные буржуа, словно у них тонны наличных денег: плотно обедают, курят толстые сигары». Впрочем, коммуниста больше волновали разногласия между «молодыми бунтарями» и «старыми реакционными профсоюзными деятелями».

---

⁶⁷ Ibid., pp. 68–69.

⁶⁸ Ibid., p. 71.

⁶⁹ Ibid., p. 78.

⁷⁰ Bonham Carter, Diary, 3 March 1923.

⁷¹ Ibid.

⁷² D'Aberton, p. 112.

⁷³ Ibid., p. 73.

Он писал жене, что Коммунистическая партия рассчитывает на следующих выборах увеличить количество своих мандатов в Рейхстаге с пятнадцати до пятидесяти. Манну не очень понравилась общая политическая ситуация в Германии: «Здесь такой беспорядок, по крайней мере 15 политических партий или отделений выдвигают своих кандидатов». Гораздо более приятные впечатления англичанин получил, услышав оперу «Нюрнбергские мейстерзингеры». «Иногда мне казалось, – делился впечатлениями Манн, – что старый башмачник излишне многословен, но в целом постановка замечательная... на огромной сцене было 250 человек в богатых одеждах и множество знамен. При этом артисты не толпились. Хор пел грандиозно»⁷⁴.

Манн был не единственным иностранцем, который обратил внимание на то, как много для немцев значила музыка. Виолетта Бонем Картер писала: «В такие времена музыка для них – это самый прекрасный и самый мощный способ самовыражения. Невозможно представить себе, чтобы перед началом какой-нибудь политической демонстрации в Англии прозвучал долгий струнный квартет»⁷⁵.

Виолетта посетила одно такое политическое мероприятие. Вернувшись в посольство, она обнаружила, что леди Д'Абернон «самоотверженно развлекает тридцать англичанок, которые вышли замуж за немцев». Бонем Картер отметила, что у них был жалкий вид. Не все женщины обрели счастье в браке: так, одна англичанка жила с мужем, который целый год с ней не разговаривал. Настроение гостей улучшилось, когда «полковник Родди спел, аккомпанируя себе на фортепиано, после чего все пили чай»⁷⁶. В тот вечер во время званого ужина Виолетта сидела рядом со вторым президентом Германии фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом. Он не произвел на нее большого впечатления: «Я сидела между Гинденбургом, который оказался низкорослым и малоприятным человеком, и каким-то неприметным итальянцем»⁷⁷.

* * *

В 1920 г. Стюарта Родди перевели в военную комиссию союзников по контролю над разоружением Германии со штаб-квартирой в отеле «Адлон». Судя по мемуарам полковника, он потратил столько же времени на утешение опечаленных родственников бывшего кайзера, сколько на поиск незаконного оружия.

Родди был похож на британского красавца-поэта Руперта Брука и умел проявлять сочувствие людям. Этот бывший учитель музыки из Инвернесса осторожно лавировал между членами семьи Вильгельма II, выслушивал их горести, давал им советы, оказывал поддержку, обращаясь за помощью к вышестоящим начальникам. Его книга «Патруль мира» напичкана известными фамилиями, как энциклопедия о знаменитостях «Кто есть кто». Кроме родственников бывшего кайзера Родди общался с видными военными и политическими деятелями, членами королевских семей других европейских стран, британскими аристократами. В общем, вездесущий полковник был на «ты» с представителями высшего света.

Летом 1919 г. Родди посетил принцессу Маргариту Прусскую, младшую сестру бывшего кайзера и внучку королевы Виктории. Хотя принцесса и ее муж принц Фридрих Карл Гессен-Кассельский все еще жили недалеко от Франкфурта в огромном замке Фридрихсхоф (Маргарита унаследовала его от матери), в семье царили горе и нищета. Война унесла жизни двух сыновей супружеской пары, земли принцессы и ее мужа были конфискованы⁷⁸. Они ничего не

⁷⁴ Tom Mann to his wife, 2 April 1924, University of Warwick Archives, Tom Mann papers, MSS 334/3/6/14.

⁷⁵ Bonham Carter, Diary, 3 March 1923.

⁷⁶ Ibid., 5 March.

⁷⁷ Ibid., 10 March.

⁷⁸ Кайзеровская Германия была федерацией князей, и Гогенцоллерны были лишь первыми среди равных. После Ноябрьской революции бывшие владетельные князья (их было больше 10) перестали быть суверенами, но собственность их не конфисковывали, а после референдума 1925 г. было принято решение при необходимости конфискации возмещать стоимость

получали от государства, а их собственные сбережения обесценились из-за инфляции. Стюарт Родди описывал, как стоял в зале, а по широкой лестнице к нему медленно спускалась Маргарита: «В длинном строгом черном платье с небольшим белым воротничком и манжетами она была олицетворением самой грусти»⁷⁹.

Спустя несколько лет Фридрихсхоф посетила Джоана Фрай со своими квакерами: «Мы собрали смелость в кулак и вошли в замок. Мы лишь немного подождали, прежде чем нас провели в изысканную гостиную, окна которой выходили на прекрасный газон. Через пару минут к нам из соседней комнаты вышли принцесса с мужем, члены семьи бывшего кайзера, и заговорили с нами очень дружелюбно и просто. Мы стояли, потому что было такое ощущение, что хозяева не хотят, чтобы мы оставались надолго. Мэрион говорила, что заметила в соседней комнате, из которой они вышли, накрытый обеденный стол...»⁸⁰.

Из переписки принцессы Маргариты становится ясно, насколько ее семья была ограничена в средствах. «Огромное спасибо за письма, а также сеточки для волос, – писала она леди Коркран⁸¹ в 1924 г. – Два фунта – действительно слишком дешево за столы, поэтому не будем их продавать и подождем более выгодного предложения. Ты пришлешь мне чек за тот белый? Я очень благодарна тебе за твою помощь, хотя, конечно, хотелось бы продать дороже»⁸². Несмотря на финансовые трудности, принцесса Маргарита, судя по всему, не совсем потеряла интерес к тому, что происходило в мире. К одному из ее писем прикреплено рекламное объявление, вырезанное из газеты: «Завейте свои волосы за десять минут. Без нагрева и электричества. Просто наденьте на волосы бигуди от компании «West Electric». На этом объявлении сестра бывшего кайзера написала: «Ты думаешь, это правда? Ты бы посоветовала попробовать эти бигуди? Наверняка реклама преувеличивает»⁸³.

Во время посещения замка Фридрихсхоф Стюарт Родди был неприятно поражен, увидев «вокруг массу чернокожих военных». Франция разместила в Германии большое количество своих колониальных войск, что вызвало недовольство не только самих немцев. В те времена процветал расизм, и многие англичане усмотрели в действиях Франции желание еще раз унижить Германию. Джоан Фрай отметила, что возмущение немцев с каждым днем становилось все сильнее: им приходилось строить дополнительные дома для сирот, так как «появилось много ненужных родителям темнокожих младенцев, которых не хотели брать в дома для белых детей»⁸⁴. С шокирующей откровенностью американка Дороти Детцер так описала свои впечатления от французских военнослужащих:

«Я прибыла в Майнц приблизительно в четыре часа дня третьего сентября. Когда я вышла из поезда, мне чуть было не стало дурно от того, что я увидела. Все мы многое слышали о французской оккупационной зоне, и я представляла, что солдаты будут похожи на наших южных негров. Но я увидела настоящих дикарей. Я больше года жила на Филиппинах, поэтому сперва подумала, что снова оказалась там, с тем лишь отличием, что теперь туземцы были в форме, а не в набедренных повязках, то есть своем национальном «костюме». К этим людям я, главным образом, испытываю чувство сострадания. Я не понимаю, что можно ждать от неполноценных солдат».

Детцер также пришла в ужас от факельной процессии в Висбадене, во время которой солдаты-африканцы несли плакаты с карикатурами на «головы гуннов». Стоявший рядом с Детцер француз объяснил ей, что подобные шествия устраивают часто, чтобы напомнить нем-

этой недвижимости бывшим князьям и династиям.

⁷⁹ Stewart Roddie, p. 50.

⁸⁰ 3 June 1921, Joan M. Fry papers, TEMP MSS 66/6.

⁸¹ Леди Коркран была фрейлиной принцессы Беатрисы, младшей дочери королевы Виктории.

⁸² Princess Margaret of Prussia to Lady Corkran, 21 October 1924, Bod., MSS Eng. Lett. d. 364.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ 25 July 1922, Fry papers, TEMP MSS 66/8.

цам, кто выиграл войну. «Никогда не забуду, – писала американка, – выражения лиц молчаливых немцев, которые смотрели этот парад»⁸⁵.

Одним особенно холодным зимним днем 1923 г. молодой офицер Жак Бенуа-Мешан, служивший во французском экспедиционном корпусе, увидел в Дюссельдорфе взвод марокканских стрелков с «обожженными африканским солнцем лицами». Подобно Дороти Детцер он также испытал отвращение. «Что они делают здесь, в этой грязи и в этом тумане?» – думал Бенуа-Мешан⁸⁶.

Судя по воспоминаниям этого офицера, жизнь французов-оккупантов была не намного лучше, чем у немцев. Сразу после того, как Бенуа-Мешан прибыл на место службы, старший офицер объяснил ему, что французы и немцы в общем-то находятся в состоянии войны. Немцы часто перерезали французам провода, отчего те оставались без связи. Французам не рекомендовалось разгуливать по городу в одиночестве. Немецкие рабочие, поддерживаемые правительством, решили бросить вызов оккупантам единственным доступным для них способом: они начали оказывать французам пассивное сопротивление. Оно, правда, иногда становилось активным.

1 февраля 1923 г. Жак Бенуа-Мешан зарегистрировал 1083 акта саботажа. Он описал мрачную обстановку во французском секторе оккупации. В целях безопасности офицер сопровождал двадцать французских инженеров на фабрику Круппа в Эссене: «Снова идет снег. Над нами возвышаются краны, столбы и гигантские дымовые трубы. Четыре огромные плавильные печи. Их массивные профили точно вырезаны на апокалиптическом небе. Печи мертвы. Их трупы бросили»⁸⁷.

* * *

Как бы путешественники ни объясняли сложившуюся ситуацию, многих из них (по крайней мере, людей из англоязычных стран) тронула судьба жителей Германии. Немцы из самых разных слоев населения рассказывали иностранцам, как их предали – сначала кайзер, политики и генералы, а потом президент Вильсон. Из-за Версальского договора они потеряли колонии, уголь, здоровье, благосостояние и, самое главное, – самоуважение. Немецкая марка ничего не стоила, а огромные репарации невозможно было выплатить, потому что союзники отняли у Германии ее природные ресурсы⁸⁸. Немцы не понимали, почему Англия потакает Франции, чьи жестокие солдаты⁸⁹ из ее заморских территорий чинили насилие и убивали⁹⁰. Как немцы могли объяснить все это своим голодным, рахитичным детям, которые благодаря так называемому «мирному» договору должны были теперь жить под властью главных врагов нации?

Путешественники видели, что жизнь в некоторых деревнях постепенно налаживалась, поскольку немцы были все так же трудолюбивы, дисциплинированы и бережливы. Но все же большинство иностранцев вернулось домой с ощущением того, что Германия страдает. Слишком много немцев жило в голоде, холоде и без какой-либо надежды на будущее.

15 ноября 1922 г. капитан Трумэн Смит прибыл в Мюнхен – город, в котором по-прежнему не утихали гражданские беспорядки и плелись политические интриги. Смит занимал в то

---

⁸⁵ Dorothy Detzer, 3 September, 1923, Society of Friends Library, FEWVRC 1914–24, 10/3/7.

⁸⁶ Jacques Benoist-Mechin, *A l'épreuve du temps [The Test of Time]* (Paris: Julliard, 1989), p. 167.

⁸⁷ Ibid., p. 164.

⁸⁸ Имеется в виду контроль союзников над углем Рура.

⁸⁹ Французы в самом деле для пущего унижения немцев нарочно использовали во время оккупации Рура много чернокожих солдат из своих колоний.

⁹⁰ For contemporary evidence rebutting such allegations, see Sally Marks, 'Black Watch on the Rhine: A Study in Propaganda, Prejudice and Prurience', *European Studies Review*, vol. 13, no. 3 (1983), pp. 297–333.

время должность помощника военного атташе посольства США в Германии. Он отправился в столицу Баварии, чтобы составить отчет о деятельности национал-социалистов. Эта партия не играла большой роли в политической жизни страны, но американский посол хотел получить о ней более подробную информацию. Смита попросили познакомиться с людьми из окружения Гитлера и по возможности встретиться с ним самим, чтобы оценить способности и потенциал главы НСДАП. Через три дня после прибытия в Мюнхен Смит записал в своем дневнике: «Ура! Меня пригласили пойти с Альфредом Розенбергом на парад «сотен», который Гитлер будет принимать на улице Корнелиуса».

Парад впечатлил помощника военного атташе: «Удивительное зрелище. Двенадцать сотен самых отпетых головорезов, которых я когда-либо видел в своей жизни, прошли перед Гитлером чеканным шагом со старым государственным флагом и повязками со свастикой... Гитлер выкрикивал антисемитские лозунги. Публика ликовала. Я никогда не видел ничего подобного»⁹¹.

Через несколько дней Смита представили Гитлеру, который согласился встретиться с американцем в следующий понедельник. 20 ноября Трумэн Смит поднялся на третий этаж дома № 42 на улице Георгенштрассе. Американец писал, что комната, в которой он разговаривал с Гитлером, напомнила ему «спальню в обветшавшем нью-йоркском доме, мрачном и крайне неуютном»⁹². Вспоминая эту встречу спустя много лет, Смит сожалел, что сосредоточился на вопросах о политических целях, а не на личности и особенностях характера фюрера.

Через несколько месяцев после этих событий командир Жака Бенуа-Мешана спросил своего подчиненного, не знает ли тот что-нибудь о политической партии, недавно созданной в Мюнхене неким Алоисом⁹³ Гитлером. Запрос о национал-социалистах поступил от Военного министерства Франции. В этом запросе, в частности, отмечалось, что Гитлер выступает перед фанатиками, проклиная всех и вся, включая Францию. Жак Бенуа-Мешан никогда раньше ничего не слышал о Гитлере и его партии, поэтому предложил начальству проконсультироваться с англичанами.

Ответ британцев пришел через два дня. Они не видели поводов для беспокойства, поскольку считали, что Национал-социалистическая партия исчезнет так же быстро, как и появилась. Она состоит из баварских сепаратистов, которые не имеют никакого веса и никакого влияния в других регионах страны. Возможно, этого Гитлера стоит поддерживать, потому что он стремится к независимости Баварии⁹⁴, что может привести к восстановлению виттельсбахской монархии и даже к развалу рейха. «Кстати, – было написано в конце сообщения, – Гитлера зовут Адольф, а не Алоис»⁹⁵.

10 ноября 1923 г., почти ровно через год после встречи Смита и Гитлера, леди Д'Абернон написала в своем дневнике, что ее мужа среди ночи разбудил звонок одного из высокопоставленных немецких дипломатов, который хотел спросить у посла совета насчет путча в Мюнхене. Главным инициатором неудавшегося переворота, по словам леди Д'Абернон, был «человек низкого происхождения»⁹⁶ по имени Адольф Гитлер.

---

⁹¹ Truman Smith, *Berlin Alert* (Stanford: Hoover Institution Press, 1984), p. 57.

⁹² *Ibid.*, p. 46.

⁹³ Так звали отца Гитлера, он умер в 1903 г.

⁹⁴ Совершенно наоборот – Гитлер начал свою карьеру агитатора как противник баварского или рейнского сепаратизма.

⁹⁵ Benoist-Mechin, pp. 172–173.

⁹⁶ D'Abernon, p. 117.

3. Секс и солнце

Веймарская республика находилась в кризисном состоянии. Пассивное сопротивление немецких рабочих в Руре помогло жителям Германии справиться с чувством унижения. Но правительство было вынуждено печатать деньги, чтобы платить бастовавшим рабочим, и это привело к гиперинфляции⁹⁷. Финансовый советник британского посольства Хорас Финлейсон каждый день записывал курс обмена. 15 августа 1923 г. за английский фунт давали 12 369 000 марок. 9 ноября 1923 г. (в день неудавшегося путча в Мюнхене) 2,8 миллиарда, а еще через пять недель – заоблачные 18 миллиардов⁹⁸. Швейцарец Нума Тетаз, изучавший в Мюнхене инженерное дело, пережил этот финансовый кризис:

«Практически все занимаются перепродажей. То, что сегодня можно купить за миллион, завтра можно продать за миллиард. Главное – найти человека, который думает чуть медленней, чем ты сам. Все прекрасно понимают, что долго так продолжаться не может, но никто не знает, что делать. Словно плывешь в грязном потоке. Все живут в страхе, но ничего не меняется. Мы в нашей группе мало говорим о политике. Только на следующий день я узнал, что, оказывается, был путч»⁹⁹.

Так называемый «Пивной путч» прошел в Мюнхене 8–9 ноября 1923 г. Гитлер, генерал Людендорф, другие видные нацисты отправились в центр города вместе с двумя тысячами сторонников партии, намереваясь сначала захватить власть в Баварии, а потом свергнуть правительство в Берлине. Против путчистов выступила вооруженная полиция, которая убила шестнадцать бунтовщиков. Спустя два дня Гитлера арестовали и обвинили в государственной измене. Хотя путч потерпел неудачу, судебный процесс над Гитлером привлек внимание прессы и широкой общественности. Глава НСДАП получил возможность рассказать о своих взглядах всему немецкому народу. Гитлера приговорили к пяти годам заключения, но на самом деле он отсидел в тюрьме¹⁰⁰ только девять месяцев. Нацистский лидер отбывал наказание в очень мягких условиях: Гитлера поместили в комфортабельную камеру, к нему допускали посетителей, и он имел достаточно бумаги для того, чтобы написать автобиографическую книгу «Моя борьба».

Кроме путча Гитлера и гиперинфляции правительство, раздираемое внутренними разногласиями, столкнулось с другими проблемами: сепаратистами в Рейнской области, восстанием коммунистов в Саксонии, неблагонадежностью армии. Многие считали, что Германия распалась на части. Внутриполитический кризис притягивал некоторых туристов, но большинству путешественников не нравилось то, что происходило в Германии. Семнадцатилетняя американка Дороти Боген так отозвалась о своей поездке в эту страну: «Видела массу британских солдат – обалденное зрелище! Ура, ура, ура! В Бонне много французов, впервые попробовала шоколадные конфеты с ликером. Прокатилась на поезде Кельн – Берлин – долгое путешествие, но хорошо кормили. Увидела единственного немецкого солдата в Германии, он выглядел скупающим, но отнюдь не бедным или потрепанным, о нет! Добралась до Берлина. Хороший отель,

---

⁹⁷ К гиперинфляции привели не выплаты бастовавшим рабочим, а то, что Германия финансировала войну займами, которые должны были возместить побежденные, а поскольку они сами оказались в этом положении, то колоссальные займы навалились на финансовую систему Германии, и она рухнула, началась гиперинфляция.

⁹⁸ Horace Finlayson, *Diary*, University of Cambridge, Churchill College, Churchill Archives Centre (CAC) GBR/0014/FLYN.

⁹⁹ Rene Juvet, *Ich war dabei... [I was there...]* (Zurich: Europa Verlag, 1944), p. 5; Rene Juvet was the pseudonym of Numa Tetaz.

¹⁰⁰ В Германии была практика помещения осужденных по политическим мотивам в замок – в случае Гитлера это был Ландсберг. Это не тюрьма в обычном смысле слова, а другое качество объекта заключения, чтобы отделить его от обычных уголовников или бытовиков.

но тупые официанты, просто безнадежный случай. Никогда больше в Берлин не приеду. И в Германию, клянусь, никогда не приеду. *Jamais, jamais!*¹⁰¹ У меня от них мурашки!»¹⁰²

В 1926 г., к тому времени как Джоан Фрай и Стюарт Родди уехали из Германии, ситуация в стране изменилась. Бизнесмен Джоэл Кэдбури в одной из своих статей для квакерского издания «*The Friend*» задался вопросом, почему квакеры все еще помогают немцам. Кэдбури видел, как те пили в швейцарском Арозе массу шампанского и покупали в Париже дорогие автомобили, нижнее белье и мебель. То, что Германия встала с колен, было очевидно не только иностранцам, но и самим немцам. Кэдбури отмечал, что Гамбург развивается, как никогда ранее, – строят каналы, электростанции и порты¹⁰³.

Больше всех в восстановление Германии верил величайший государственный деятель Веймарской республики Густав Штресеман. Он занимал пост канцлера с августа по ноябрь 1923 г., а затем вплоть до своей смерти в 1929 г. был министром иностранных дел¹⁰⁴. Историк Джон Вилер-Беннетт, который жил в Веймарской Германии на протяжении нескольких лет и знал всех, кого стоило знать, описывал Штресемана как человека с неприятной внешностью: «Он походил на свинью: маленькие, близко посаженные глазки, редкие волосы на почти лысом черепе розового цвета и неизбежная складка жира на шее»¹⁰⁵. Однако жена Штресемана, по словам леди Д'Абернон, была одной из самых красивых немок, которых ей довелось увидеть в Германии. Хелен также отмечала: «В Берлине помнят, что фрау Штресеман – еврейского происхождения»¹⁰⁶.

Несмотря на свою внешность¹⁰⁷, Штресеман обладал всеми необходимыми качествами, чтобы вывести страну из кризиса. Лорд Д'Абернон сравнивал его с Уинстоном Черчиллем: «Оба блестящие, отважные и дерзкие»¹⁰⁸. Штресеман был убежден в том, что страну спасет коалиция центристских партий. Он изо всех сил пытался сдерживать левых и правых экстремистов. Канцлер понял, что забастовка в Руре наносит больше вреда Германии, чем Франции, и прекратил ее в сентябре 1923 г., сделав первый шаг к стабилизации марки. С введением новой валюты – рентной марки, – которая была подкреплена землей и предприятиями, удалось остановить опустошавшую страну инфляцию. Вскоре одна рентная марка стоила триллион прежних марок. Штресеман убедил правительство принять план Дауэса¹⁰⁹. Германия снова получила доступ к Руру, а также послабления в выплате репараций. Штресеман писал, что эти «подвижки» – «проблеск света на темном горизонте»¹¹⁰. После стабилизации марки в страну стали поступать инвестиции. Германия также начала получать американские кредиты.

Подписанные 1 декабря 1925 г. Локарнские соглашения свидетельствовали о том, что наступила разрядка международных отношений. Она продлилась вплоть до смерти Штресемана. Дипломат и издатель граф Гарри Кесслер писал в своем дневнике, что город Локарно (на озере Лаго-Маджоре) «очарован Штресеманом. Его фотографии висят повсюду. Он необык-

¹⁰¹ *Jamais* – фр. никогда. Прим. пер.

¹⁰² Dorothy Bogen, *Diary*, 26 September 1922, Farrington Historical Society, San Jose, CA.

¹⁰³ *The Friend*, 22 February 1924.

¹⁰⁴ Иные историки считают, что если бы не ранняя смерть Штресемана, он смог бы противостоять Гитлеру с его демагогией. Штресеман был единственным демократическим политиком, сравнимым с Гитлером по политическому влиянию и масштабам личности.

¹⁰⁵ John Wheeler Bennett, *Knaves, Fools and Heroes* (London: Macmillan, 1974), p. 21.

¹⁰⁶ D'Abernon, 19 October 1923, p. 113.

¹⁰⁷ Портрет Штресемана кисти Августа Джона можно увидеть в галерее Олбрайт-Нокс в Буффало, штат Нью-Йорк.

¹⁰⁸ Quoted in Jonathan Wright, *Gustav Stresemann: Weimar's Greatest Statesman* (Oxford: Oxford University Press, 2002), p. 505.

¹⁰⁹ План Дауэса (англ. Dawes Plan, 1924 г.) установил новый порядок репарационных выплат Германией так, чтобы их размер соответствовал экономическим возможностям Веймарской республики. Чтобы помочь немецкой экономике, по плану Дауэса Германии одновременно предоставлялся международный заём. Прим. пер.

¹¹⁰ Wright, p. 271.

новенно популярен, ведет себя со всеми очень дружелюбно и четыре раза в день ходит в кондитерскую к фрау Шеруре, которая от него просто без ума»¹¹¹.

После вступления Германии в Лигу Наций в 1926 г. промышленность страны начала развиваться с такой скоростью, что всего через десять лет после перемирия Германия могла претендовать на звание второй самой крупной индустриальной державы мира¹¹². Несмотря на этот скачок, сэр Рональд Линдсей – новый британский посол в Берлине – без особого энтузиазма отнесся к своему назначению: «Версальский договор настолько скучный, что можно заснуть стоя, когда читаешь его»¹¹³. Насколько я понимаю, работать в Берлине – это все равно что толочь воду в ступе»¹¹⁴.

Однако многие иностранцы, которые посетили Германию в период между Локарно и Великой депрессией, придерживались иного мнения. Совершенно неожиданно Германия стала страной инноваций, современной и притягательной. Особенно это ощущалось в Берлине. Даже политическая нестабильность казалась некоторым туристам плюсом, в частности англичанам, которые хотели сбежать из своей традиционалистской и консервативной страны.

Для писателя Кристофера Ишервуда и «ему подобных»¹¹⁵ Берлин был городом свободных сексуальных отношений¹¹⁶. Люди отправлялись в страну, жители которой совсем недавно убивали их отцов и старших братьев, в том числе из чувства протеста¹¹⁷. Жить вдалеке от родины, там, где не имеет значения, к какому классу ты принадлежишь, – такая свобода манила и опьяняла их. Они радовались не только ночным клубам Берлина, но и самым обыденным вещам. Эдди Сэквилл-Уэст (позже лорд Сэквилл, кузен писательницы Виты Сэквилл-Уэст) вспоминал, с каким удовольствием он гулял в «шотландском тумане» под Дрезденом. В 1927 г. англичанин прожил в этом городе несколько месяцев, изучая немецкий язык и музыку. «Возвращаясь на автобусе, я словно перенесся в те времена, когда только начал обретать свободу. Я радовался каждой витрине, которую мы проезжали, с наслаждением произносил слово «Hauptbahnhof»¹¹⁸¹¹⁹, – писал Сэквилл-Уэст.

Тремя годами ранее англичанин приезжал в Германию не для того, чтобы познакомиться с мальчиками, а чтобы, напротив, излечиться от гомосексуализма. В 1924 г. Сэквилл-Уэст провел несколько месяцев в клинике доктора Карла Мартена во Фрайбурге. Этот человек на самом деле был шарлатаном и мнимым психоаналитиком. Мартен заявил, что проблемы Эдди связаны с материнским комплексом. Чтобы излечить англичанина от гомосексуализма, «доктор» накачал его каким-то веществом, от которого к концу ужина несчастному Сэквилл-Уэсту стало плохо: «Неожиданно я почувствовал, что лекарство подействовало на мои семенные железы, и последующие три с половиной часа я провел в невыносимых муках. Мартен сказал, что мое подсознание было готово испытать боль в этом месте. Боже! Какое же это было мучение! Боль утихала и снова возвращалась, словно пламя свечи на ветру, которое то гаснет, то разгорается с новой силой»¹²⁰.

¹¹¹ Charles Kessler (ed./trans.), *Berlin in Lights: The Diaries of Count Harry Kessler* (New York: Grove Press, 1999), 13 April 1926, p. 290.

¹¹² Перед Первой мировой войной она уже была таковой.

¹¹³ Еще лучше сформулировал один австрийский аристократ. На вопрос, стоит ли подписывать Версальский договор, он сказал: «Да, конечно, поскольку он невыполним».

¹¹⁴ Sir Ronald Lindsay to Sir Esme Howard, 17 August 1926, Cumbria Archive Centre (CAC), Carlisle, Howard papers, DHW/4/2/17.

¹¹⁵ Отсылка к книге Ишервуда «Кристофер и ему подобные». *Прим. ред.*

¹¹⁶ Christopher Isherwood, *Christopher and His Kind* (London: Methuen, 1985), p. 10.

¹¹⁷ Действительно, в Берлине впервые в мире почти открыто существовала гомосексуальная культура задолго до того, как она сложилась где-либо. Об этой культуре был снят фильм с Лайзой Минелли в главной роли.

¹¹⁸ *Прим. ред.: с нем.* – «вокзал».

¹¹⁹ Edward Sackville-West, commonplace book, 8 November 1927, British Library (BL) Add. MS 68906.

¹²⁰ Sackville-West, Diary, 19 March 1924, BL, Add. MS 71871C.

В марте Сэквилл-Уэст и другой пациент Эдди Гэторн-Харди¹²¹ на короткое время сбежали из клиники: «Стартовали в 5.30 утра по Берлину. Чудесный день. Ощущение, словно еду домой на каникулы из частной школы. Рассвет над Берлином – просто чудо. Много сосен и серебряных берез, а земля покрыта инеем. Белое солнце. «Ариадна на Накосе» в опере – так прекрасно, что не выразить словами. Небольшой городок Берлин. Безликий и похожий на провинциальный Париж. Никакого шарма Вены. Ни одной приличной улицы кроме Унтерден-Линден».

Через несколько дней оба Эдди отправились в Данциг, но оказалось, что у них нет нужных документов: «Не те паспорта! Нас высадили в степи в Лауенбурге, грязном городишке на польской границе. Но мы держались молодцами! Мерзкий недорогой отель. Шли по снегу и упали в воду. Какой кошмар! Отвратительные домишки и уродливые, какие-то нереальные люди, безжизненные голоса в пустом воздухе». Когда приятели наконец попали в Данциг, город им понравился: «Прекрасный город! Дома, как во времена Елизаветы, из желтого и темно-красного кирпича. Огромные черно-белые склады вдоль замерзшей Мотлавы. Божественные Ворота-кран, собор неопиcуемый». Но за три дня Данциг надоел обоим путешественникам, и они снова вернулись в Берлин. «Как же удобно в «Адлоне»! У меня был восхитительный легкий ужин, сидел в пижаме и шубе Эдди»¹²².

В свою первую поездку в Германию Кристофер Ишервуд не имел никакого отношения к кабаре, с которым в итоге его творчество оказалось связано. В 1928 г. писатель провел все лето в Бремене. Он жил у своего двоюродного брата Бэзила Фрая, британского вице-консула. Фрай воплощал в себе все то, что отвергали Ишервуд, Уистен Хью Оден, Стивен Спендер и многие другие представители молодого поколения. Лучше всего этого человека характеризуют строки из его собственного стихотворения «Англия»:

Поезжай в Англию, отдохни немного
На ее вздымающейся груди, свободной и холодной.
Она обнимет тебя,
И ее моря защитят тебя от бед¹²³.

Первым, что Ишервуд увидел в Германии, стал Бременхафен, порт в устье реки Везер, куда пришвартовался корабль писателя. Ишервуда встретил сотрудник британского консульства и отвез на машине в Бремен: «Мы ехали сквозь пригороды, поросшие виноградом и густой сиренью. Чистые домики с белеными фасадами. Смешные трамваи. Бульвары и фонтан Лаокоона: змея орошает водой плечи статуи под лучами палящего солнца». Как и следовало ожидать, уже в первых заметках о Германии рассказывалось о сексуальных свободах: «Германия – страна исключительно молодых людей. Они носят цветные шнурованные рубашки, носки и морские фуражки с лентами. Все на велосипедах»¹²⁴.

Несмотря на то, что Ишервуд часто флиртовал, ему не нравилось жить у кузена, которого писатель презирал. Меньше чем через год Кристофер посетил Берлин. Хотя Ишервуд провел в столице Германии всего чуть больше недели, поездка в этот город стала одним из поворотных моментов его жизни¹²⁵. Старый приятель писателя Оден, который к тому времени уже несколько месяцев жил в Берлине, познакомил его с новым миром, настолько восхитительным и отличавшимся от чопорной послевоенной Англии, что Ишервуд вернулся в Берлин к Рож-

¹²¹ Эдди Гэторн-Харди был третьим сыном графа Крэнбрука и типичным представителем золотой молодежи Лондона. Уважаемый антиквар, одно время работал в Британском Совете.

¹²² Ibid., 6, 9, 10, 14 March 1924.

¹²³ В. Н. Fry, *Friends, Philosophers and Fishermen* (Oxford: Basil Blackwell, 1932), p. 15.

¹²⁴ Peter Parker, *Isherwood* (London: Picador, 2005), pp. 153–154.

¹²⁵ *Christopher and His Kind*, p. 10.

деству 1929 г. на неопределенный срок. Им двигало желание найти свое место в мире. Еще на границе Ишервуд предельно честно ответил на вопрос о цели своего визита в Германию: «Я ищу свою родину и хочу убедиться в том, что это она и есть»¹²⁶.

Оден вернулся в Англию, и у Ишервуда остался в Берлине единственный знакомый англичанин – страдающий от алкоголизма и ведущий беспорядочный образ жизни археолог Фрэнсис Турвилль-Петре. Фрэнсис лечился от сифилиса в Институте сексуальных наук, который был создан доктором Магнусом Хиршфельдом в 1919 г. и занимался изучением разных видов сексуальной ориентации и проблем сексуального характера. Работа этого института свидетельствует о том, что Берлин действительно стал современным городом. Хиршфельд считал, что гомосексуальность – не болезнь и не преступление, а часть человеческой жизни. Его институт был не только клиникой и исследовательским центром (он имел внушительный архив и библиотеку, насчитывавшую около 30 тысяч томов), но и проводил просветительскую работу среди населения по разным вопросам сексуальности. В институт ежегодно приезжало несколько тысяч посетителей со всей Европы. Многие отправлялись сюда на лечение специфических заболеваний, другие просто хотели разобраться со своей собственной сексуальностью. Некоторые, вне всякого сомнения, приезжали исключительно для того, чтобы осмотреть музей, который Оден называл «порнографией для науки и услугой евнуха»¹²⁷

---

¹²⁶ Ibid., p. 17.

¹²⁷ Parker, p. 168.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.